

Василий Шибанов

Князь Курбский от царского гнева бежал,

С ним Васька Шибанов, стремянный.

Дороден был князь. Конь измученный пал —

Как быть среди ночи туманной?

Но рабскую верность Шибанов храня,

Своего отдает воеводе коня:

«Скачи, князь, до вражьего стану,

Авось я пешой не отстану!»

И князь доскакал. Под литовским шатром

Опальный сидит воевода,

Стоят в изумленье литовцы кругом,

Без шапок толпятся у входа,

Всяк русскому витязю честь воздает,

Недаром дивится литовский народ,

И ходят их головы кругом:

«Князь Курбский нам сделался другом!»

Но князя не радует новая честь,

Исполнен он желчи и злобы;

Готовится Курбский царю перечесть

Души оскорбленной зазнобы:

«Что долго в себе я таю и ношу,

То всё я пространно к царю напишу,

Скажу напрямик, без изгиба,
За все его ласки спасибо!»

И пишет боярин всю ночь напролет,
Перо его местию дышит;
Прочтет, улыбнется, и снова прочтет,
И снова без отдыха пишет,
И злыми словами язвит он царя,
И вот уж, когда залилася заря,
Поспело ему на отраду
Послание, полное яду.

Но кто ж дерзновенные князя слова
Отвезть Иоанну возьмется?
Кому не любя на плечах голова,
Чье сердце в груди не сожмется?
Невольню сомненья на князя нашли...
Вдруг входит Шибанов, в поту и в пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!»

И в радости князь посылает раба,
Торопит его в нетерпенье:
«Ты телом здоров, и душа не слаба,
А вот и рубли в награжденье!»

Шибанов в ответ господину: «Добро!

Тебе здесь нужнее твое серебро,

А я передам и за муки

Письмо твое в царские руки!»

Звон медный несется, гудит над Москвой;

Царь в смирной одежде трезвонит;

Зовет ли обратно он прежний покой

Иль совесть навеки хоронит?

Но часто и мерно он в колокол бьет,

И звону внимает московский народ

И молится, полный боязни,

Чтоб день миновался без казни.

В ответ властелину гудят терема,

Звонит с ним и Вяземский лютой,

Звонит всей опрични крошечная тьма,

И Васька Грязной, и Малюта,

И тут же, гордясь своею красой,

С девичьей улыбкой, с змеиной душой,

Любимец звонит Иоаннов,

Отверженный Богом Басманов.

Царь кончил; на жезл опираясь, идет,

И с ним всех окольных собранье.

Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапкою держит посланье.
И спрынул с коня он поспешно долой,
К царю Иоанну подходит пешой
И молвит ему, не бледнея:
«От Курбского, князя Андрея!»

И очи царя загорелися вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мне вслух
Посланье от слова до слова!
Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!»
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налег на костыль — и внимает:

«Царю, прославляему древле от всех,
Но тонущу в сквернах обильных!
Ответствуй, безумный, каких ради грех
Побил еси добрых и сильных?
Ответствуй, не ими ль, средь тяжкой войны,
Без счета твердыни врагов сражены?
Не их ли ты мужеством славен?
И кто им бысть верностью равен?»

Безумный! Иль мнишися бессмертнее нас,
В небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Приидет возмездия час,
Писанием нам предреченный,
И аз, иже кровь в непрестанных боях
За тя, аки воду, лях и лях,
С тобой пред судьбою предстану!»
Так Курбский писал Иоанну.

Шибанов молчал. Из пронзенной ноги
Кровь алым струилася током,
И царь на спокойное око слуги
Взирал испытующим оком.
Стоял неподвижно опричников ряд;
Был мрачен владыки загадочный взгляд,
Как будто исполнен печали,
И все в ожиданье молчали.

И молвил так царь: «Да, боярин твой прав,
И нет уж мне жизни отрадной!
Кровь добрых и сильных ногами поправ,
Я пес недостойный и смрадный!
Гонец, ты не раб, но товарищ и друг,
И много, знать, верных у Курбского слуг,
Что выдал тебя за бесценок!

Ступай же с Малютой в застенок!»

Пытают и мучат гонца палачи,

Друг к другу приходят на смену.

«Товарищей Курбского ты уличи,

Открой их собачью измену!»

И царь вопрошает: «Ну что же гонец?

Назвал ли он вора друзей наконец?»

— «Царь, слово его всё едино:

Он славит своего господина!»

День меркнет, приходит ночная пора,

Скряпят у застенка ворота,

Заплечные входят опять мастера,

Опять зачалася работа.

«Ну, что же, назвал ли злодеев гонец?»

— «Царь, близок ему уж приходит конец,

Но слово его все едино,

Он славит своего господина:

О князь, ты, который предать меня мог

За сладостный миг укоризны,

«О князь, я молю, да простит тебе бог

Измену твою пред отчизной!

Услышь меня, боже, в предсмертный мой час,

Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но в сердце любовь и прощенье —
Помилуй мои прегрешенья!

Услышь меня, боже, в предсмертный мой час,
Прости моего господина!

Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но слово мое все едино:

За грозного, боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь —
И твердо жду смерти желанной!»
Так умер Шибанов, стремянный.